

УДК 323.2

ПОСТСОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СТРУКТУР

С. М. Захаров

POST-SOVIET DEMOCRATIZATION IN THE CONTEXT OF PARALLEL STRUCTURES

S. M. Zakharov

В данной статье автор говорит о том, как параллельные структуры могут стать одни из индикаторов демократичности политического режима. На ряде примеров, приводимых автором, показывается зависимости процесса постсоветской демократизации от количественного и качественного роста параллельных структур. Дальнейшая демократизация будет связываться с их ростом, равно, как и авторитарные тенденции будут уменьшать их количество.

The author discusses how parallel structures may become indicators of democratic political regime. A number of examples given by the author show dependence of the post-Soviet democratization process on the quantitative and qualitative growth of parallel structures. Further democratization will be connected with their growth, while authoritarian tendencies will reduce their number.

Ключевые слова: альтернативные институты, демократизация, власть, параллельная структура, постсоветское пространство.

Keywords: alternative institutions, democratization, power (regime), parallel structure, post-Soviet space.

Постсоветские политические процессы во многом связываются с демократическим переходом. Данный переход имеет свои недостатки, равно как и свои достоинства, относящиеся к специфике конкретной политической системы. Постсоветский политический переход принято уже отмечать как переход, задерживающийся во времени. Причиной тому, отчасти может быть несовершенство гражданского общества, его неспособность контролировать власть и направлять переход, катализируя его ускоряя.

Вместе с тем, могут наблюдаться и попытки гражданского общества к формированию альтернативных систем, позволяющих власти считаться с собой. На постсоветском пространстве такие практики уже есть, и гражданское общество участвует в управлении политическими процессами в той или иной степени и с разной результативностью.

Речь о развитом гражданском обществе вряд ли возможна, не будь в нём действенных параллельных структур.

Параллельные структуры в истории политической мысли описывались как альтернативные официальные структуры, распыляющие власть и разрушающие её монолит. Политические ненасильственные практики М. Ганди, М. Л. Кинга, опыт европейских бархатных революций как раз является опытом настройки подобных структур, их постепенной оптимизации.

Оптимизации предшествует и теоретическое обоснование параллельных структур.

Например, Д. Шарп, говоря о методах ненасильственного сопротивления, указывает такие любопытные формы ненасильственного протеста как альтернативные транспортные системы, альтернативные экономические системы и альтернативные рынки [9, с. 82].

Чешский автор В. Бенда в рамках концепции «Параллельного полиса» предлагает «объединить усилия по постепенному формированию параллельных структур, способных хотя бы в ограниченной

мере заменить отсутствующие полезные обществу и необходимые функции; там, где это возможно, необходимо пользоваться также существующими структурами и «гуманизировать» их» [1].

Как мы видим, данные схемы могут быть воспроизведены в случае некоторых государств постсоветского пространства. В частности, большое количество параллельных структур создаёт украинский «Евромайдан» 2013 – 2014 года. Мы видим, как выходящие на площадь люди в полной мере оказываются инкорпорированными в новые, параллельные структуры. На «Евромайдане» действует своя служба безопасности, свой пресс-центр. Оказывается, что параллельное общество предоставляет человеку тот набор потребностей (еда, общение, безопасность), который не могут предоставить официальные институты.

Идея сильного гражданского общества в условиях неспособности/нежелания политической системы к самореформированию получает развитие также в концепции «Антиполитики» венгерского писателя и диссидента Д. Конрада: «Антиполитика и правительств работают в двух различных измерениях, двух отдельных сферах. Антиполитика не поддерживает правительства, не выступает против них; это – что-то другое. Ее люди уместны там, где они есть, они формируют сеть, которая надзирает за политической властью и оказывает на нее давление, опираясь только на свой высокий культурный и моральный уровень... Антиполитика – это отказ [правящему] политическому классу в праве на властную монополию» [5].

В рамках российского политического процесса субъектная институционализация в обществе базируется на запросе предъявить результаты деятельности вертикали власти, создание которой на начальных этапах расценивалась как необходимость. При этом вопросы об эффективности существующего политического режима подкрепляются претензиями в адрес акторов, обслуживающих систему, и обла-

дающих большими ресурсами. Эти обстоятельства создают условия, когда «политические режимы любого типа сталкиваются с опасностью отчуждения и недовольства граждан, крайнее неравенство, вызывающее недовольство значительной части населения страны, представляет угрозу для любого режима, не важно, будет он гегемонистским или конкурентным» [2, с. 110].

Осознание собственных субъектных возможностей внутри общества происходит за счет роста ресурсного потенциала в информационной сфере при нарушении монополии власти. Подобная ситуация стала возможной за счет сети «Интернет», пользующейся особой популярностью в молодежной среде. Для власти складывается ситуация, когда издержки на восстановление собственных позиций за счет репрессивных механизмов больше, чем затраченные средства на конкуренцию в этой сфере. Таким образом, появляется возможность говорить о паритетном состоянии власти и общества по крайней мере в Сети.

Сетевая институционализация лежит в основе различных гражданских объединений, получивших широкое распространение и поддержку среди населения. В их числе: «РосПил» – некоммерческий общественный проект, направленный на борьбу со злоупотреблениями в области государственных закупок; «РосЯма» – проект для борьбы с дефектами дорожного покрытия; «РосЖКХ» – проект, сосредоточенный на решении проблем в сфере ЖКХ; «Архнадзор» – общественное объединение, ориентированное на сохранение исторического наследия Москвы; «Общество синих ведерок» – общественное движение, сконцентрированное на борьбе с произволом чиновников и хамством на дорогах.

На наш взгляд, не следует рассматривать данные параллельные структуры как оппозиционные. Они не столько направлены против политической системы, сколько на устранение конкретных проблем в различных сферах. Но, с другой стороны, данные структуры могут и легко политизироваться, став частью политического проекта, претендующего на вступление в системную политику.

Деятельность параллельно существующих гражданских проектов вызывает напряжение власти. На это обращает внимание А. Пшеворский: «авторитарным режимам угрожает не подрыв их легитимности, а организация контргегемонии: коллективные проекты альтернативного будущего. Только наличие коллективных альтернатив дает отдельной личности возможность политического выбора. Поэтому авторитарные режимы испытывают ненависть к независимым организациям и стараются или подчинить их контролю, или же подавить с помощью силы» [6, с. 95].

Параллельные структуры могут присутствовать и на нижних уровнях политики. Скажем, структуры, создающиеся для борьбы с коррупцией и плохими дорогами могут быть представлены и на региональных уровнях как харизматическими одиночками, так и существующими структурами, пытающимися найти идею для самопозиционирования. Это не может не свидетельствовать, как об их популярности, так и о необходимости создания альтернативных институ-

тов. В частности, активисты арт-группы «23:59», запустили проект в социальной сети «ВКонтакте» «ЕГУ им. И. А. Бунина – Свободный университет», который «был создан как параллельная структура, причём без всяких согласований «сверху». Уже один только этот факт серьезно ударяет по власти, нарушая её гегемонию в информационном пространстве» [8, с. 184].

Преимуществом параллельных структур выступает их деятельность, не выходящая за рамки действующего законодательства, что во многом лишает возможности власть формального повода для давления. Однако не следует исключать, что власть не пойдет по пути упреждающих законопроектов, использованных, в частности, как реакция на протестную активность в ходе избирательной кампании 2011 – 2012 гг. в России.

Осознавая, что отсутствие реакции на деятельность параллельных структур приводят к репутационным издержкам и затрудняет процесс легитимации, власть встаёт перед необходимостью создания параллельных структур под своим контролем. В России запускаются такие проекты с участием лояльной молодежи, как акция «Белые фартуки» (борьба с коррупцией), молодежный проект «Все дома» (содействие реформированию системы ЖКХ, популяризация идеи жилищного самоуправления и общественного контроля), «Стопхам» (против хамства и нарушений водителями правил парковки и иных незаконных действий).

В рамках молодежной политики, в интересах обеспечения кадрового резерва из лояльной молодежи, наблюдаются практики создания параллельных структур в рамках государственных институтов (молодежный парламент, молодежное правительство, Палата молодых законодателей при Совете Федерации). Созданные «сверху», при ограниченных ресурсных возможностях и слабых механизмах воздействия, подобные структуры, на наш взгляд, утяжеляют вертикаль власти, создавая дополнительную нагрузку на общество.

Создание параллельных структур под патронажем власти является симптомом кризиса легитимности правящего режима, который начинается с гражданской неудовлетворенности. «Большинство граждан может быть неудовлетворено тем, как правительство руководит страной, и считать, что его политика не является справедливой. Но подобные мнения вовсе не предполагают делегитимации существующих институтов власти. Они лишь указывают на отсутствие доверия к людям, которые находятся у руля» [3, с. 152]. Утрачиваемый властью авторитет отражается на «способности субъекта политической власти осуществлять воздействие на её объект» [7, с. 12]. В условиях трансформирующихся политических систем подобные проблемы однозначно будут существовать. Это будет заставлять власть искать новые формы убеждения общества в собственной авторитетности и популярности.

Власть здесь пытается отвлечь внимание части общества посредством переключения её внимания на новые структуры, находящиеся у неё под контролем. На постсоветском пространстве данная технология

апробируется в период политического кризиса в Кыргызстане 2005 г., когда в ответ на создание Гражданской кампании мирного сопротивления «Кел-Кел» провластными силами была создана организация – клон под тем же названием «КелКел» [4]. Примером параллельной структуры, находящейся под управлением власти, может стать «Антимайдан» в Мариинском парке Киева, противопоставляющий себя «Евромайдану».

Таким образом, создающиеся параллельные структуры являются индикатором состояния гражданского общества в той или иной политической системе. Количество параллельных структур и их

вариативность являются показателем демократичности политического режима. Скажем, на постсоветском пространстве есть место политическим режимам, где параллельные структуры не существуют более или менее публично, а если и существуют, то только в каком-то конспиративном формате.

Демократизация политических систем будет вызывать неуклонный рост параллельных структур как «снизу», так и «сверху». Наоборот, сворачивание демократии будет значительно понижать потенциал параллельных структур, прекращая их в декоративное подобие.

Литература

1. Бенда, В. Параллельный полис / В. Бенда; пер. с чешск. Н. Фальковской // Уроки истории. – 2012. – 5 декабря. – Режим доступа: <http://www.urokiistorii.ru/taxonomy/term/424/51645>
2. Даль, Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / Р. А. Даль; пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. – М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.
3. Доган, М. Легитимность режимов и кризис доверия / М. Доган; пер. с фр. Т. Н. Шумиловой // Социологические исследования. – 1994. – № 6.
4. Кампания мирного сопротивления Киргизии «КелКел» обвиняет «Азияинфо» в блокировке своего веб-сайта // ЦентрАзия. – 2005. – 11 февраля. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1108141020> (дата обращения: 3.03.2012).
5. Килбурн, М. Антиполитическая политика и антипоэтическая поэтика: эстетика чешского андеграунда / М. Килбурн; пер. с англ. Т. Воронцовой, спец. ред. А. Бобракова-Тимошкина // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 266 – 305. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/ki15.html> (дата обращения: 3.01.2014).
6. Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский; пер. с англ.; под ред. проф. В. А. Бажанова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 320 с.
7. Скиперских, А. В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов / А. В. Скиперских. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. – 142 с.
8. Скиперских, А. В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области) / А. В. Скиперских. – Липецк: Грави, 2013. – 204 с.
9. Шарп, Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / Д. Шарп; пер. с англ. Н. Козловской; 2-е изд., испр. – М.: Новое издательство, 2012. – 84 с.

Информация об авторе:

Захаров Сергей Михайлович – ассистент кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, 8-910-353-11-85, zakharov1201@rambler.ru.

Sergey M. Zakharov – Assistant Lecturer at the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University.

Статья поступила в редколлегию 03.03.2014 г.